

Владимир Чуприянов

-Если не ошибаюсь,учился в группе 4304

-Работал ИЯФ до 1992 г. Далее везде. Сейчас научный руководитель проекта в ООО «Оптические медицинские системы» и директор ООО «Медико-генетические технологии». Оба предприятия резиденты Академпарка.

Сейчас семья вторая (Первая жена умерла). Со второй женой уже почти 11 лет. Живём вдвоём и путешествуем, как правило, с друзьями. Она медик. На 13 лет моложе нас. На всех предыдущих наших встречах (неофициальная часть) она была. Так что всем знакома.

Пожелания однокурсникам:

Приветствую всех, кто дожил, и желаю всем дожить в добром здравии и хорошем настроении до 50-летия окончания, а там посмотрим.

Кто достиг больших успехов в карьере - не выпендриваться. Это далеко не самое главное в жизни, хотя плюс в этом большой.

Не складывать крылья в любой ситуации.

«Мы сквозь такиеплыли беды, что отрывались от земли. Мы не попали в домоседы, но и в пираты не пошли» Это Визбор. Но что касается моей жизни, то вполне соответствует.

Два основных принципа, которые срабатывают при любом раскладе:

- 1. Дорогуосилит идуций.*
- 2. Надейся только на себя.*

Ещё, что я усвоил в своей жизни, но так и не научился следовать этому известному афоризму: «Чем больше женщину мы любим, тем меньше нравимся мы ей». Это без комментариев.

На тему женщин. Кратко. Я согласен с некоторыми предположениями других размышляющих на эту тему, что мы из разных биологических классов. Исследуя на досуге этот вопрос, я догадался, что млекопитающие - это только они. Это ежу ясно.

А мы, мужики, относимся к членистоногим и яйцекладущим. Думаю подать заявку на открытие.

ПРО БУДКЕРА

Очень возможно, что зря я взялся за написание этих заметок. Не люблю и не умею писать, тем более, не относящиеся к моей профессии статьи. Но из глубочайшего уважения к Андрею Михайловичу Будкеру по просьбе оргкомитета я взялся изложить некоторые стороны его личности, деятельности. Хотя я далеко не самый близкий его ученик. Гораздо больше о нем могут рассказать другие; из наших – Василий Пархомчук.

Начну с того, что нашему поколению выпускников НГУ с одной стороны очень повезло. Мы застали и известные «60-е» и период бурного роста и расцвета Университета и Институтов. Время, когда науку и Университет возглавляли молодые, талантливые, энергичные энтузиасты, которым руководство доставалось не «по наследству». Они сами строили «с нуля» свои лаборатории и институты. Они же и преподавали в НГУ.

Представьте себе, Будкеру не было и 40 лет, когда он начал строить ИЯФ. И построил и дал такой импульс, что и сейчас, спустя 37 лет после его смерти, ощущается его влияние. Зачастую студентов и преподавателей связывали и дружеские, неформальные отношения. Как это было, например, в альпинистском сообществе, когда на сборах в одной команде были и академики (Александров) и преподаватели (Мешков, Пухначев, Гинзбург) и студенты первого курса. Да и ректор С.Т. Беляев тоже был альпинистом и всячески помогал альпинистской секции.

С другой стороны, мы – поколение эмигрантов. Части из нас, в этом плане, повезло. Открылись границы и те, кто стремился на «историческую родину» или искали лучшие условия для приложения своих способностей, получили такую возможность. «Большинство» же осталось. Но уже в другой стране. Нет того великого СССР, в котором мы родились и выросли. Так что и мы, оставшиеся, тоже эмигранты, более того, мы вынужденные эмигранты. И, хотя большинство из нас живет и работает сейчас вполне достойно, но 90-е годы остались тяжелым рубцом на наших жизнях. Вспомним хотя бы тот факт, что на заседаниях Президиума СО РАН всерьез обсуждали возможность запуска в производство на Опытном заводе «буржук» для отопления квартир.

В то время Будкеру было бы немного за 70. Не намного больше, чем нам сейчас. Думаю, он нашел бы возможность успешного (по тем меркам) существования ИЯФ и в то время. Тем более, варианты были. Во всяком случае, один я знаю точно, так как предложение проходило через меня.

А.М. уже однажды вытаскивал Институт из серьезного кризиса. Это было в самом начале 70-х, когда он долго болел и руководил ИЯФом Р.И. Солоухин. Институт хирел. Сотрудники начали уходить, и в одиночку, и целыми группами. В Иркутск перебрались и наши однокурсники (Алтынцев, Коротеев и др.). В Троицк перебрались Семенов и Еськов.

С возвращением Будкера Институт стал оживать на глазах. А.М. быстро и безболезненно провел реорганизацию, в результате которой Солоухин стал директором ИТПМ. Нестерихин возглавил ИАЭ. С ними ушли и часть сотрудников. Из наших – Оришич, Кузнецов, Рубенчик, Мушер ... Но в результате выиграли все. И ИЯФ, и те, кто ушел.

Это один из принципов Будкера. При реорганизации не должно быть обиженных.

А.М. прилагал максимум усилий, чтобы создать, возможно, лучшие условия работы в институте. ИЯФ – единственный из Институтов СО АН строил собственное жилье, имел очень сильную производственную базу, отличное снабжение. Он изыскивал возможности платить сотрудникам более высокую зарплату за счет коммерческой деятельности Института и поступления денег от МСМ. Он часто говорил, что слово мужчина состоит из двух частей – «муж» и «чин». Т.е. мужчина должен за свой труд получать достойное вознаграждение и в моральном и в материальном смысле.

Стоило все это больших трудов. Президиум СО АН не давал ему развернуться в полную силу. Значительную часть заработанных Институтом и выбитых Будкером средств Президиум реквизирует в пользу «бедных». Особенно это касалось строительства жилья. Так что при всех усилиях Директора институтская очередь на жилье была не намного короче, чем у других.

А.М. вынашивал мечту выйти из Академии и организовать НПО под МСМ. В этой связи он часто вспоминал И.В. Курчатова.

Начинались эти разговоры с преамбулы, что всегда надо слушать Учителей, одним из которых он считал И.В., который ему не советовал уходить в Академию. (ИАЭ, в котором до ИЯФа Будкер возглавлял лабораторию новых методов ускорения, было в подчинении МСМ).

Вообще, тема уважения Учителей была одной из любимых у А.М. Например, еще он говорил о Мигдале. Вот он (Будкер) уже давно академик, а Мигдал еще член-корр., но Будкер всегда будет рад сбегать в киоск за сигаретами для Мигдала.

Будкер был очень жизнерадостным и жизнелюбивым человеком. Любил шутки, ценил и сам знал массу остроумных анекдотов. Подавляющее большинство ученых советов ИЯФ, в которых он принимал участие, не обходилось без различного рода отступлений на самые разные темы, в том числе и далекие от тематики Совета, в том числе и не предназначенных для дамских ушей. При этом он не забывал предупредить Н. Бучельникову (она была единственным членом Совета – женщиной) в совершенно не обидной форме, что научная часть Совета прерывается (или заканчивается), и, если ей не по душе мужские разговоры, может уйти. Она никогда не уходила. Вообще все Советы, совещания и др. мероприятия с участием Будкера никогда не были скучными или неинтересными. Даже общие собрания Института, посвященные знаменательным датам, с его участием проходили интересно и оживленно.

Я думаю, каждый из нашего выпуска помнит его лекции. Это, конечно, был не тот фундаментальный и прекрасно поданный курс, который нам, к примеру, читал, Зелевинский. Но после его лекций агитировать за физику необходимости не было. Он показывал ее красоту. Помните, как он, выписав уравнения Максвелла, половину лекции восторгался их совершенством.

Любил А.М. красоту во всем, и было бы странным, если бы он обошел своим вниманием женскую. Среди физиков женолюбие – довольно распространенное явление. Вспомним хотя бы Л.Д. Ландау или Р. Фейнмана. Видимо, эта черта характера свойственна не только выдающимся (и не очень) физикам, но и всем талантливым людям. И, несмотря на то, что он внешне не походил на мачо (над чем сам постоянно подшучивал), вниманием женщин он обделен не был. На женскую тему было много всяких разговоров в Ияфовской компании (общество ведь почти на 100% мужское). Мне особенно запомнились два его высказывания на эту тему.

Нет ничего лучше хорошей жены и нет ничего хуже плохой жены. Коротко и абсолютно справедливо.

Второе высказывание касается приема экзамена у симпатичной абитуриентки. Вопрос задавался так:

Повышать или понижать оценку за красоту.

Будкер считал, что таким девчонкам не стоит учиться на физфаке, т.к., чтобы сделать хорошую карьеру в этой области, надо превратиться в заканку, что плохо скажется на внешности, здоровье и характере. Так что вариантов два. Либо девочка осознает (поумнеет), что это не ее дело и бросит физику, при этом потеряв время, либо зачахнет, так и не добившись успеха. Так что А.М., из гуманных соображений призывал, по возможности, помогать таким девчонкам, вовремя выбрать другой путь в жизни, снизив бал на вступи-

тельном экзамене. Честно признаюсь, я не следовал этому его совету, хотя полностью с ним согласен.

Какой могучий запас энергии, силы воли, жизнелюбия и др. заложила природа в этом человеке. Родился он в мае 1918 года и вырос в небольшом селе в Винницкой области в очень тяжелое время. Но поступил и блестяще окончил лучший университет. А тут война. Сразу после экзамена – в действующую армию. Всю войну прошел артиллеристом. Кстати, не помню от кого слышал, что свои вторые имя и отчество – Андрей Михайлович он взял в память о погибшем фронтовом друге.

Но после фронта к физике не охладел и очень успешно работал в Курчатовском институте. И этим не удовлетворился, хотя карьера в уютной Москве ему была обеспечена. Создал сам свой институт в Сибири с нуля. И не хуже, а во многих отношениях и лучше Курчатковского.

И все магистральные направления в той области физики, которой занимался А.М. Будкер – ускорители и заряженных частиц, и термоядерный синтез – предложены им и осуществлены ИЯФ под его непосредственным руководством.

1. Открытые магнитные системы для удержания горячей плазмы в свое время были известны, как «ловушка Будкера – Поста».

2. Встречные пучки. В то время, когда их предложил А.М., это казалось почти фантастикой, а сейчас все ускорители на большие энергии работают только на встречных пучках.

3. Электронное охлаждение протонного пучка – те же комментарии что и к встречным пучкам.

4. Компенсация пространственного заряда протонов в ускорителях.

5. Перезарядная инжекция протонов в ускорителях.

6. Использование синхротронного излучения.

7. Внедрение сильноточных ускорителей электронов в промышленность (радиационные технологии)

На компенсации пространственного заряда протонов в ускорителях остановлюсь немного подробнее, так как решение этой задачи, в конце концов, было поручено мне.

Ровно 50 лет назад в 1964 г.(!), как раз в год нашего поступления в Университет на конференции во Фраскати (Италия) Будкер предложил компенсировать пространственный заряд протонов на дорожке ускорителя неподвижным облаком электронов. На первый взгляд идея проста (как, собственно, и все идеи А.М.). Электроны «вморожены» в магнитное поле ускорителя, протонному пучку не мешают (сечение взаимодействия мало) и компенсируют своим отрицательным зарядом положительный заряд протонов. Тем самым протонный пучок не разваливается при любой интенсивности. Но оказалось не все так просто. Чириков быстренько все посчитал, и оказалось, что такая система неустойчива. Развивается мощная когерентная широкополосная неустойчивость, и пучок сбрасывается.

В лаб. №7 Г.И. Димова, куда я пришел на практику в 1967 году, эту неустойчивость впервые наблюдали экспериментально. Казалось бы, на этом можно было и успокоиться. Так бы поступили в большинстве лабораторий. Тем более, что интенсивные протонные пучки можно получать просто, строя ускоритель в 10 – 100 раз больше. Но Будкер не был бы Будкером, каким мы его знаем, если бы бросил эту задачу. Некрасивые решения – не для него. Была поставлена задача стабилизировать эту двухпучковую неустойчивость. Специально для этой цели решили построить небольшой протонный накопитель, расчет магнитной системы которого и был моей дипломной работой. Так на 10 лет я связался с этой задачей. Сначала работали вдвоем, через 2 года я остался один. Работа шла туго. Одному аспиранту, а затем мне, кем я тогда был, справиться с таким крупным комплексом было далеко не просто. На ремонты и модернизации уходило гораздо больше времени,

чем на решение задачи. Это черта всех крупных экспериментальных комплексов. Как я уже писал, начало 70-х для ИЯФа было время тяжелое. А.М. серьезно болел. Но, с другой стороны, даже и в те годы на закрытие работы никто не покушался и, более того, мне были приданы лучшие лаборантские и инженерные силы лаборатории. К середине 70-х обстановка значительно улучшилась, а к 1975 г. задача была успешно решена и убедительно подтверждена экспериментально. Абсолютный предел по пространственному заряду был превзойден более чем в 10 раз. И Будкер к тому времени был полон энергии, и Институт был на подъеме. Жизнь налаживалась. А.М. решил строить большой протонный накопитель с компенсированным протонным пучком. Была создана рабочая группа в составе В.Дудникова (источник отрицательных ионов водорода для перезарядной инжекции в накопитель), Р.Салимова (линейный ускоритель - инжектор), В. Балакина (накопитель) и меня. Мне была поставлена задача усовершенствовать систему стабилизации неустойчивости. Вот было время! Казалось, настал мой звездный час.

Я думаю, для большинства наших выпускников с середины 70-х до конца 80-х время было самое лучшее. Уже была приличная зарплата и сносное жилье. Дети подрастали. А мы еще были молоды (может это главное?).

И вот, когда уже был подготовлен доклад на первую в СССР крупную международную конференцию по ускорителям заряженных частиц (Серпухов 1977г), куплены билеты на самолет, пришла **БЕДА**. Умер Андрей Михайлович Будкер. Оторвался тромб. Ему исполнилось только 59 лет! Он был на 8 лет моложе, чем большинство из нас сейчас. Институт был в шоке. Не было слышно громких разговоров. Думаю, что не было ни одного человека, кто бы остался равнодушен к этой беде. Казалось, да так оно и было, в самом деле, что каждый из нас потерял близкого человека.

Моя звезда со смертью Будкера закатилась. Проект закрыли. И надолго ускорительщики забыли об оригинальной идее Будкера и ее воплощении в ИЯФ. И только сейчас, спустя более 35 лет, эта тема поднимается в ускорительном сообществе.

Как то на Ученом совете ИЯФ А.М. Будкер рассказывал Е.П. Славскому о проектах ИЯФ. Министр МСМ всегда и очень существенно поддерживал ИЯФ. На деньги МСМ было построено экспериментальное производство ИЯФ (и жилые дома). Ефим Павлович, а ему в то время было около 73 лет, пошутил. «Вы, молодежь, напридумываете всякие фантастические проекты, поумираете, а мне потом расхлебывать». К сожалению, по отношению к Будкеру эта шутка оказалось пророческой. Е.П. пережил А.М. на 14 лет и умер в 1991 г. в возрасте 88 лет. Но ИЯФ Славского и после смерти Будкера никогда не подводил. Так что краснеть за ИЯФ ему не пришлось. Что не скажешь об атомном энергостроении. За аварию в Чернобыле в 1986 г. его сняли с должности. А зря. Таких организаторов беречь надо. Хотя тогда страна уже начинала разваливаться, и усилиями даже таких гигантов ее было уже не спасти. Их было слишком мало, и не они играли первую скрипку в государстве. 2014 г.

АЛТАЙСКИЙ ПОХОД

Дело было в 1968 году. Виталию Будневу для закрытия мастера спорта по горному туризму не хватало руководства зимней пятеркой, и он обратился ко мне (я был руководителем альпсекции Университета) с предложением подобрать команду для этого мероприятия.

Для меня и большей части команды это был 4-й курс. А Буднев был на год старше. Учиться стало намного легче. И мы могли позволить себе пропустить пару недель рабочего семестра. Тем более, что ректором тогда был С.Т. Беляев (тоже в прошлом альпинист). Он дал добро на пропуск занятий хорошо успевающим студентам. Таким образом,

и подобралась команда членов альпсекции на этот поход: Виталий Буднев – руководитель, Талгат Бакиров, Алексей Еськов, Виталий Мазур, и я, Владимир Чуприянов.

Наша компания на Катунь (возвращение)

Маршрут был выбран следующий:

1. Подход. Выежаем поздним вечером, где-то около 11 часов (так мы могли отучиться полный день и успеть собраться.) поездом Томск – Бийск со станции Сеятель до Бийска. В Бийск поезд прибывает рано утром. Оттуда автобусом до Горно-Алтайска. Там пересадка на автобус до Усть-Коксы. Туда мы должны были добраться к вечеру этого же дня. Ночевка в гостинице. На следующее утро мы должны попуткой добраться до Тюнгура. Оттуда на чем-нибудь, если повезет, а если нет, то пешком по дороге до Катанды, где и начинается основной маршрут. Уже без троп и указателей. По описанию. Карт тогда никто не давал – они были строго засекречены. Тем более что тогда были напряженные отношения с Китаем. Именно тогда и были вооруженные конфликты на границе, самым памятным из которых был на Амуре на исконно русском о-ве Даманском, который сейчас передали Китаю и теперь он уже исконно китайский. Так что, ноги в лыжи и вперед, опираясь на искаженную специально (чтобы врага одурачить) купленную в магазине географическую карту Горно-Алтайской автономной области, а более на собственный опыт и интуицию.

2. Основной маршрут: Вверх, вдоль р. Кучерла километров примерно 40. Затем налево вверх на перевал «Каратюрюк» через водораздел между реками «Кучерла» и «Ак-су». На гребне через 5-8 км в сторону Белухи находилась (и сейчас находится) дважды знаменитая метеостанция «Каратюрюк»: в России, как самая высокогорная (2600м над уровнем моря) в (см. Интернет), а в мире знаменита своим самым экстремальным туалетом (под ним почти отвесная стена не менее 100м).

Далее планировалось по гребню пройти на Восток в сторону Белухи. Там левый по ходу склон хребта выполаживается и становится доступным для спуска без специального снаряжения. Мы на лыжах должны спуститься к метеостанции у озера «Аккем», затем по левому берегу озера добраться до ледника и через перевал и ледник «Менсу» спу-

ститься в долину реки «Менсу». Вдоль реки надо пройти до Катуня, переправиться на левый ее берег и по Старо Чуйскому тракту добраться до п. Иня на Чуйском тракте. Здесь собственно экспедиция заканчивается. Садимся на рейсовый автобус до Горно-Алтайска и через сутки должны быть дома.

Общая длина пешего и лыжного маршрута составляла более 200 км. Контрольный срок прохождения – около 3 недель.

Поход был достаточно серьезный, горный. В горах в марте максимум снега. По пояс и выше. Так что в случае поломки лыж и отсутствии запасных, пришлось бы очень туго. Рации, естественно, для того времени нам положено не было. Так что в случае ЧП до истечения контрольного срока вообще рассчитывать было не на кого. Да и после контрольного срока лучше рассчитывать только на себя. Конечно, мы бы не пропали. Все достаточно опытные, крепкие физически и психологически. Так что наше дело было только уложиться в контрольный срок и пройти маршрут. В успехе никто не сомневался.

Ввиду того, что, как я уже отметил выше, был разгар учебы, а участники опытные, собирались вместе – раза два, или три. Знакомиться нам не надо было, все тренировались в одной секции, неоднократно вместе выезжали на сборы в горы, да и, вообще, были друзьями. Первый раз собрались, когда организовывалась группа и обсуждался маршрут. Тогда же согласовали сроки, распределили обязанности по подготовке.

При выборе времени похода учитывались многие факторы.

1. Надо было, чтобы была зима (Нужна была именно зимняя пятёрка), но уже без сильных морозов.
2. Нужен был длинный светлый день.
3. Нужно основную часть маршрута пройти до оттепелей, чтобы снег не был слишком тяжелый. Подъем вверх по крутому склону и спуск при нашей экипировке в таком случае намного усложняется.

Решили выезжать в четверг (если не ошибаюсь, 29 февраля). Видимо, потому что впереди были выходные плюс, возможно в пятницу или субботу (тогда еще была шестидневная рабочая неделя) был институтский день плюс праздник 8 марта. Так мы меньше пропускали учебных дней. Я договаривался с ректоратом о пропуске занятий с кафедрами, где мы брали снаряжение. Буднев, как самому заинтересованному лицу, поручили согласовывать формальности с областным Клубом туристов и закупку билетов на поезд Томск – Бийск. Кому-то поручили составить список продуктов. Причем не забыли (и как мы были правы!!) взять 4 или, 5 (если считать по числу участников) бутылок водки для чисто медицинских целей.

Основное снаряжение взяли в альпсекции: палатка, штормовые костюмы, веревка, спальные мешки (ватные). Самое главное, на всех хватило по настоящему пуховику. Благодаря содействию нашего ректора С.Т. Беляева единственная альпсекция не только в Новосибирске, но я, думаю, вообще за Уралом имела 5 настоящих пуховиков. Лыжи дала спортивная кафедра, валенки военная.

Не помню, сам ли Буднев покупал билеты на поезд, и кто покупал продукты. Помню, что продукты упаковывали одна или две чьих-то из жен женатиков, а билеты были у Буднева. Помню это хорошо, т.к. это впоследствии нам в разной степени аукнулось.

Снаряжение я раздал заранее. У альпсекции в «тройке» (тогда общежития физфака были на Пирогова 3 и 5) был склад. Каждый выбрал себе, что ему надо. Кому-то, в качестве общего груза, досталась здоровенная 6-ти местная палатка. Веса она не менее 10 кг.

За несколько дней до старта собрались еще раз. Пропорционально разделили общественный груз: палатка, запчасти, продукты, двуручная пила и пр. Буднев огласил время отправление поезда, и мы согласовали время старта из общаги. Все быстро, по-деловому.

Вечером поход стартовал из общежитий на Пирогова. Мы, нагрузившись полным зимним снаряжением с запасом еды на 3 недели плюс НЗ, лыжами с палками, запасным комплектом. (Думаю, груз каждого превышал 30 кг), пошли через лес к Сеятелю. Когда пересекали ул. Строителей от станции навстречу нам отошел пассажирский поезд. У нас сразу закралось нехорошее подозрение, что поезд этот наш. Тем более что по этой ветке поезда ходят довольно редко. Но Буднев, у которого были в кармане билеты, заверил нас, что мы идем по графику.

Буднев таки ошибся на час...

С этого и начались наши приключения. Нельзя сказать, что они имели резко отрицательный характер. Может быть, даже наоборот. Может быть, нам даже и повезло. Кто знает, что было бы если. А так поход прошел без особых эксцессов. Никто не пострадал. А своего мастера спорта Буднев закрыл позже. Во всяком случае, у меня он оставил самые хорошие воспоминания.

Итак, добравшись до станции мы, конечно, убедились, что наши худшие предположения оправдались. Это наш поезд показал нам хвост. Но, как пел Высоцкий «Если я чего решил, то выпью обязательно». Ни у кого даже и мысли не было возвращаться. Дождаться следующего прямого поезда на Бийск тоже было не желательно. Вполне возможно, что он и не каждый день ходил. А длительная задержка была крайне нежелательна. Это надо снова и с университетом сроки согласовывать и заново выпускаться в клубе. Так что решили дожидаться поезда на Барнаул, а там уже пересаживаться на Бийск. Оттуда, как и планировали, автобусом до Горно-Алтайска. Мы потеряли больше половины суток и добрались до Горно-Алтайска только к ночи следующего дня. Так и пошло все кувырком. В этот день на «Усть-Коксу» автобусы не ходили. Даже на следующий день мы смогли купить билеты только до Усть-Кана. А это только полпути до «Усть-Коксы». И то автобус вышел в рейс только пред обедом. Была остановка где-то на середине пути, где мы, наконец, плотно пообедали. До этого горячую пищу ели только 2 суток назад еще в университетской столовой.

До Усть-Кана добрались к вечеру. Устроились в гостинице и чем-то в гостиничном кафе перекусили. Говорю подробно о нашем приеме пищи в этот день потому, что среди ночи первый из нас, а именно Буднев начал регулярно вскакивать с постели и бегать

в туалет. Возможно, кто-то еще составлял ему конкуренцию. Так что ночь прошла весело. Но еще более весело нам было на следующий день. Автобус – ПАЗик на Усть-Коксу ушел утром. Набился под завязку местным населением. Да еще мыс нашими неподъемными рюкзаками забили весь проход. Так что ехали как кильки в консервной банке советского периода (тогда рыбки в консервах сидели плотно одна к одной, а не искали друг друга в жидком томатном соусе, как сейчас).

Буднев и кто-то второй уже вроде бы успокоились, хотя от завтрака отказались. Остальные вроде бы чувствовали себя способными ехать дальше. Как двое из нас ошибались!

Через некоторое время двое забеспокоились и вскоре кинулись к водителю с просьбой остановить автобус. А когда он предложил им доехать хотя бы до какого-нибудь леска, т.к. вокруг на несколько сот метров не было ни одного кустика, за границей дороги – снег по пояс они что-то такое сказали ему (я издали не слышал), что он применил экстренное торможение. Ребята пулей вылетели из автобуса. Не понявшие ситуации пассажиры были забеспокоились, но когда ребята, не отбежав и двух десятков метров назад по дороге, и буквально на ходу стали снимать штаны, автобус закачался от смеха. Так мы и ехали несколько часов, останавливаясь через каждые 20 минут. Потом ребята успокоились, но здесь начало доставать меня. Я все-таки дотерпел до Усть-Коксы. Но ребята выгружались из автобуса уже без меня. Я еще до остановки автобуса увидел рядом с остановкой во дворе желанное заведение и уже далеко от него не отходил. Через час-полтора отпустило и меня. И здесь я оглянулся вокруг. Стоял великолепный зимний день. Синее небо. Яркое солнце. Тепло. Усть-Кокса гудела! Был районный праздник «Проводы русской зимы», так раньше отмечали Масленицу.

Ребята, сгрузив рюкзаки на автовокзале (если он там был, а может это было крыльцо сельсовета, или еще чего-нибудь), уже полностью оклемавшись, гуляли по настоящей сельской ярмарке с блинами, самоварами, пельменями, гармошками, тройками, скоморохами, ряжеными и пр. Такое я и в кино не видел, а тем более в жизни, ни до, ни после этого. Водка лилась рекой. И что меня удивило, женщины в плане выпивки не отставали от мужчин. Почему-то выпивали они отдельно, своим кругом. В остальном отличий почти не было. Если я не ошибаюсь, это было воскресенье 3 марта.

В центре ярмарочной площади стоял гладко оструганный столб метров 5–6 высотой, с колесом от телеги наверху. К колесу были привязаны сапоги, самовар и др. призы. Задача была залезть наверх и отвязать то, что больше приглянулось. Судя по тому, что уже была середина дня, а призы почти не тронуты, мало нашлось ловкачей, кто добрался до верха. Но среди нас такой нашелся! Талгат снял валенки и полез! Вот, что значит молодость и здоровый образ жизни (студент, комсомолец, альпинист!!!). Еще не прошло и 2-х часов, как он по три раза на час «под кустик бегал». Так вот, Талгат долез до верха столба, но что-то ему помешало снять приз. То ли нож надо было с собой иметь, то ли все-таки сил после полдневных мучений не хватило. Но уважение местной публики он заслужил честно!

«Усть-Кокса» – райцентр. Сюда на ярмарку съехались жители всех окрестных поселков. Такое впечатление, что реально все от младшего школьного возраста. Транспорт весь сосредоточился здесь, и уехать можно было только, когда веселье закончиться. Так и получилось. Договорились с директором мараловодческого совхоза и уже затемно добрались на крытом ГАЗ-51 до «Катанды». В кузове вповалку в разной степени опьянения возвращалась совхозная делегация. Когда мы выгрузились в «Катанде», одна из женщин устроилась спать прямо на дороге. Никто из местных даже не попытался ее поднять. На наши вопросы отвечали, что ничего с ней не случится, к утру проспится. А ведь была еще зима. Ночью – весьма морозно, во всяком случае, ниже – 10 градусов. Мы ее все-таки доставили домой, несмотря и на ее протесты.

Ночевали, то ли в клубе, то ли в школе. Так прошли третьи сутки нашего подхода под маршрут. Утром директор пообещал дать нам машину до Тюнгура. Но после ярмарки народ очухивался довольно долго, и добрались мы до места в районе обеда. По мосту перебрались через Катунь на левый ее берег, прошли поселок «Катандаи», наконец, встали на лыжи и уже по снежной целине начали подниматься вверх по реке «Кучерла». Наконец, мы вышли на основной маршрут!

Вверх по Кучерле

Не помню (я часто говорю об этом, т.к. прошло уже 46 (!) лет, а никаких источников, кроме собственной памяти у меня нет), была ли одна или две ночевки до подхода под перевал, но стремились мы начать подъем как можно более ранним утром, чтобы за день добраться до метеостанции Каратюрек.

О привалах и ночевках

Обедали мы на скорую руку, а вот на ночь готовились капитально. Снаряжение, кроме пуховиков было плохо пригодно для ночевки в мороз на снегу. Так что под палатку стелили хороший слой лапника, устраивали ночью, готовили плотный ужин. И делали заготовки на утро, чтобы меньше терять светлого времени. Команда у нас была великолепная. Все знали свои обязанности, которые мы четко распределяли заранее. Все было четко и быстро, хотя успеть до темноты надо было многое: спилить двуручной пилой, подходящую прямую лесину, желательной сухостой, изготовить нодью, запалить ее, приготовить плотный ужин, т.к. это у нас был основной прием пищи, поставить палатку устроить ночлег.

Для непосвященных. Нодья – это такой долго горящий очаг. Берутся два бревна диаметром около 20 см. и длиной в зависимости от необходимого срока горения. (В нашем случае на ночь хватало около 4 м.) В каждом бревне топором стесывается одна сторона. Разводится костер. Бревна с тесаными сторонами прикладываются друг к другу и одним концом горизонтально кладутся в костер. Нодья обеспечивает и тепло и свет и отпугивает хищников. А утром, при необходимости, подложив дров, можно быстро сварить кашу и согреть чай. Никаких даже минимальных конфликтов не было. Никто не сачковал, несмотря на то, что позади порой был тяжелый переход. Если, кто-то закончил свой участок работы раньше, включался в другую работу. В принципе, за всю мою альпинистскую жизнь, иначе и не бывало. Это была норма.

Приведу одну альпинистскую байку (хотя вполне вероятно, что так было и на самом деле).

На сложном многодневном восхождении группа остановилась на ночлег на небольшой полке на скальной стене. В какой-то момент единственная канистра с бензином покатила вниз. Тогда один из участников ласточкой прыгнул за ней и неминуемо разбился бы, если бы второй не ухватил его за ноги.

Вроде бы в чистом виде безрассудство. Но на таком маршруте бензин - это жизнь. Это и тепло и пища.

Первые 30 километров лыжного перехода дались нам без особых усилий. Погода была хорошая.

Этому кедру, наверное, более 300 лет

Мы вполне были готовы к глубокому снегу. Лыжню, как полагается, торили по очереди. Подойдя под перевал, устроились на ночевку. Когда плотно поели горячей каши с тушенкой и приступили к чаю, оказалось, что сахар вместо того, чтобы раствориться превратился в какое-то жидкое тесто. Оказалось, что кто-то из девчонок, собирая продукты, «сэкономил» мешочек и сыпал сахар и манную крупу в один пакет. За время нашего подхода к маршруту, компоненты хорошо перемешались, так что даже частично разделить их не представлялось возможным. Так мы в самом начале пути остались без двух далеко не лишних продуктов. Выбрасывать не стали, так как ближайший по маршруту магазин был примерно в 200 км, а меню, как полагается было расписано по дням с минимальным запасом только на случай ЧП.

На следующее утро, как только наступил рассвет, несладко позавтракав, приступили к подъему на перевал. Цель была до ночи дойти до метеостанции Каратюрек, так как на крутом склоне поставить нашу большую палатку практически невозможно, и изготовить снежную пещеру, как это иногда делается при альпинистских восхождениях, было в наших условиях невозможно. Снег рыхлый. Расстояние по карте – около 10 км. Правда, перепад высот более 1000 м. Но задача, для такой команды, вполне выполнимая.

Лыжи вскоре пришлось снять и привязать к рюкзаку. Подъем становился все круче, а глубина снега никак не хотела уменьшаться и оставалась, как и в долине существенно выше пояса. Это и понятно. До границы леса было еще далеко. Слава Богу, снег был рыхлый не тяжелый. Время оттепелей еще не наступило. Так что в этом смысле время похода было рассчитано правильно. Но все равно идти почти по грудь в снегу, с немалым грузом

за спиной, с уклоном градусов 45 было очень тяжело. Через каждые 20-30 метров впереди идущий отступал в сторону. Затем он пристраивался в хвост группы. И так целый день с небольшими перекурами.

Силы мы свои немного переоценили. До границы леса дошли уже в сумерках. Холодную ночевку совершенно правильно устраивать не стали, оставили рюкзаки и лыжи и с одними лыжными палками рванули к гребню. Снежный покров, как это и полагается за границей леса, становился все тоньше. А на гребне он едва прикрывал скалы. Но туда мы добрались уже практически в полной темноте. Оставшиеся около 5 км до метеостанции по гребню прошли быстро. Если бы не усталость и темнота, этот отрезок пути можно было бы назвать прогулкой. Единственная опасность – сорваться в долину р. Аккем. Левый склон в этом месте представлял собой почти отвесную стену в несколько сот метров. Вскоре впереди мы увидели огонек. Это светилось окно метеостанции.

Добрались благополучно. Трое обитателей встретили нас очень радушно. Мы же были без сил. Уселись на пол, и очень гостеприимным хозяевам пришлось нас кормить. Они быстро разогрели несколько банок тушенки. В то время это была царская еда. Но после 12-часовой тяжелой работы, как сейчас вспоминает Талгат, несмотря на голод, сил на то, чтобы донести ложку до рта у него уже не было. Так что мы налегли на горячий сладкий чай. А вот съели ли тушенку, мы не помним. Тут же завалились спать, в основном, на полу, т.к. спальники вместе со всем грузом остались на границе леса. Утром погода испортилась. Усилился ветер и пошел снег. По всем признакам (мы же были на метеостанции) надвигалась пурга. К тому же сотрудники метеостанции рассказали, что в эту зиму в окрестности появились рыси, и им ничего не стоит разодрать наши рюкзаки, палатку и спальные мешки, разорить наши припасы. Так что мы, не теряя времени на завтрак, рванули вниз за рюкзаками и лыжами. И вовремя. Рыси до нашего склада не добрались, но пурга с каждым часом усиливалась. К тому времени, когда мы вернулись на метеостанцию, она уже разыгралась вовсю. Анемометр показывал скорость порывов ветра до 20 м/с, и ветер продолжал усиливаться.

Тур на перевале Каратюрек

Так что нам очень крупно повезло, что пургу мы встретили и пережили на метеостанции в теплой избе и очень гостеприимными хозяевами. На Каратюрёке мы застряли еще на три дня. Чтобы идти дальше не могло быть и речи. Скорость ветра временами превышала 30 м/с. Видимость практически нулевая.

Честно говоря, мы не сильно по этому поводу расстраивались. Беспокоило нас только то, что мы не укладываемся в контрольный срок. А так не жизнь – курорт. За окном выла пурга. А у нас было тепло, светло и сытно. Как я уже говорил хозяева, три парня метеоролога встретили нас, как родных. Провизии у них, причем очень хорошей: тушенка, крупы, макаронные изделия, сгущенка и пр. вкусоности, было более, чем достаточно, так что наш «деликатес» сахар с манкой мы немедленно выкинули. А чему они несказанно обрадовались, так это нашим нетронутым запасам водки, которые мы, конечно же, передали им за исключением одной бутылки на крайний медицинский случай. А когда мы уходили для продолжения маршрута, они предоставили свой склад провизии в полное наше распоряжение, чем мы, естественно, воспользовались в меру наших физических сил и скромности. А пока мы отъедались на дармовых харчах, отсыпались под вой пурги и регулярных (каждые три часа) передач метеоданных, которые начинались со слов: «Катанда, Катанда, я Каратюречка. Как меня слышите? Прием». И т.д.

На четвертые сутки пурга начала стихать и вечером мы решили, как только рассветет, продолжить маршрут в сторону Белухи. С целью пройти по гребню до того места, где левый его склон выполаживается, спуститься в долину Аккема и добраться до метеостанции у Аккемского озера. Рано утром выйти не удалось из-за сильного ветра и снежных зарядов. Но часам к десяти погода несколько улучшилась, снежные заряды стали реже, хотя ветер в порывах превышал 20 м/с. (анемометр был у нас перед глазами). Идти надо было по гребню, придерживаясь правого его склона, и обходя, строго справа, скальные выступы («жандармы»), и локальные вершины. Как я уже говорил, правый по ходу склон хребта был относительно пологий, а слева – очень крутой с переходом на стены. К тому же из-за преобладающего юго-западного ветра слева за гребнем в снежных его частях нависали карнизы. Так что в условиях плохой видимости существовала реальная опасность с них сорваться. И, слава Богу, мы об этом не забывали. При очередном обходе вершинки нас застал снежный заряд. Видимость практически занулилась, и мы приняли решение не рисковать. И, хотя время поджимало, устроили передышку. Минут через 15 снег почти перестал, и оказалось, что остановились мы в нескольких метрах от карниза. Еще несколько

шагов, и наша экспедиция кончилась бы плачевно – первый из нас улетел бы метров на 200-300 в долину Аккема и, если бы не разбился сразу, то все равно замерз бы, т.к. помощи ждать пришлось бы минимум несколько дней. Момент этот я помню очень хорошо, может быть и по тому, что первым шел я... Постепенно погода начала улучшаться, и сначала в разрывах между облаков, а потом и в полной красе перед нами предстал массив Белухи!

Не самый лучший снимок Белухи. Лучшего, снятого в то время, не нашел

К вечеру мы благополучно дошли до места спуска к Аккемскому озеру. Пурга окончательно утихла. Видимость стала отличной. Но время уже поджимало. Близилась ночь, а нам надо было еще спуститься по довольно крутому снежному склону с перепадом около 1000 м и добраться до метеостанции. На склоне, как я уже говорил, нормальную ночевку организовать практически не возможно, а на гребне ночевать не хотелось. Огонь развести было не из чего.

Спускались на лыжах. Обычные деревяшки с полужесткими креплениями. Пешком было бы очень долго и тяжело. Снег по пояс. На склоне сначала то и дело попадались скальные выступы, камни, а ниже стали встречаться сначала отдельные хиленькие деревья, а потом и довольно густой лес. За спинами были рюкзаки. Так что и на специальном снаряжении спуститься было не просто. Так что где как, часто кубарем, мы покатались вниз. Чтобы спускаться по проторенной первым лыжне, нечего было и думать, так как первый каждые несколько десятков метров переворачивался. Следующий тут же бы на него наезжал, или должен был тоже упасть. Так что каждый выбирал свой путь. Кувыркаться было очень неудобно. Вынужденное или добровольное падение (если не удавалось обойти камень или дерево) заканчивалось тем, что ты лежишь вниз головой на тебе сверху тяжелый рюкзак, к тому же сковывающий вместе с палками твои движения. И все это в глубоком снегу. Как мы каждый раз высказывались по этому поводу, горы наслушались вдоволь!

Спустились довольно быстро. Хотя последние сотни метров и в темноте. Добрались до метеостанции на оз. Аккем уже часов в 11 ночи. По каратюрекскому опыту ожидали теплый прием, но компания здесь была совсем другая. Встретили нас очень холодно, хотя в ночлеге, конечно не отказали. Права не имели.

Собака была очень симпатичной и с веселым характером, и умница. Еды, благодаря ребятам с каратюрекской метеостанции, у нас было вдоволь, так что и нам и ей хватало. На первой ночевке она улеглась на лапнике, приготовленном под палатку. Буднев на неё накричал. Она покорно ушла, улеглась на снег и никогда больше ни на лапник, ни в палатку не лезла. А когда мы уже шли вдоль Катуня и встречали отары овец, Женщина немедленно сбивала отару в плотную кучку и только после этого догоняла нас.

Дальнейший путь прошел без приключений. Погода была отличной, солнечной. Ущелье очень красивое. Правая сторона его очень крутая. То и дело встречались замерзшие водопады.

Обедаем...

На левый берег Катуня перебрались по льду. Шли по Старочуйскому тракту, в то время непроезжому. Снега практически не было. Во время дневных привалов даже загорали. Довольно быстро дошли до поселка в месте слияния Катуня с Чуйей. Пришли туда вечером, переночевали в клубе. Все, кто бывал в этом месте, наблюдали интересную картину. На протяжении нескольких километров мутные почти коричневые воды Чуи и чистейшие Катуня не смешиваются, а струятся двумя разноцветными потоками.

Утром с Женщиной пришлось расстаться. На попутной машине мы выехали в Иню, поселок на чуйском тракте. Собака долго бежала за машиной. Как было ей объяснить, что мы не могли ее взять с собой!

Возвращение в Новосибирск было полной противоположностью похода. Только мы добрались до Ини, сразу сели на автобус до Горноалтайска. Прибыв туда, уже не помню на чем, доехали до железнодорожного вокзала в Бийске и успели на стоящий на перроне поезд.

Рано утром следующего дня мы были уже дома. От старта с места ночевки в клубе на Катуня прошли только сутки.

PS

Память — странная штука. Какие-то моменты многолетней давности помнятся, как будто они произошли совсем недавно, что-то забывается напрочь. Это в полной мере касается и моего рассказа. Хотя я помню этот поход очень хорошо, но некоторые и весьма существенные детали совершенно забылись или, более того кардинально исказились. Виталий Мазур, прочитав рассказ, внёс коррективы. Мы с ним и с редакцией посчитали, что рассказ менять не стоит, а чтобы не грешить против истины уточнения внести в постскрипtum.

Так вот, первое. Руководителем похода был Виталий, но не Буднев, а Мазур. Далее поход начался в ночь на 5 марта. В Усть-Коксе были 8-го. На маршрут вышли из Кочурлы – 9-го. Далее цитаты от В. Мазура: «По плану никакой метеостанции Кара-Тюрек не предполагалось. Я даже не знал о ее существовании. Мы должны были идти до Кочурлинского озера и там перевалить в Аккем. Но на второй день похода, мы только вышли, нас догнал какой-то мужик на лошади. Он сказал, что едет из Кочурлы через метеостанцию Кара-Тюрек в Аккем. И уже в этот же день к вечеру рассчитывает быть на Аккемской метеостанции. Было видно, что лошадь как-то удивительно легко идет по глубокому снегу. Он нас соблазнил, и мы решили идти так же. Конечно, мы рассчитывали дойти в этот день только до метеостанции. Но как-то не подумали, что нам предстоит преодолеть перепад высот 1600 м. Место нашей первой ночевки было никак не выше 1200 м. Перепад 1600 м по глубокому снегу и с тяжелыми рюкзаками – это не слабо.»

«На спуске с перевала к Аккему было еще одно событие, которое я очень хорошо помню. Когда мы были еще на перевале, с правого борта той долинки, по которой нам нужно было спускаться, сошел снежный оползень, который перехлестнул дно долинки и немного залез на левый склон. Издалека казалось, что оползень очень маленький и не представляет опасности. Но когда мы подошли к нему, оказалось, что его ширина десятки метров, и он состоит из снежных глыб размером до небольшого домика. Пробираясь между ними было жутковато. Если бы оползень сошел на нас, думаю, мы там бы и остались.»

Как мы переправлялись через Катунь из моей памяти выветрилось совершенно, но Виталий этот эпизод помнит хорошо

«Когда мы дошли до Катунь, то переправа через нее была нелегкой. Лед был тонкий и с большими промоинами. Переправлялись ползком. Что-то помнится, что вырубали два больших дына, клали их на лед и использовали как опору. Кстати, когда мы дошли до устья Аргута, оказалось, что там Катунь вскрыта на большом протяжении и переправа очень проблематична. А ведь если бы мы пошли через Менсу, то были бы на переправе еще через несколько дней.»